

«Пойте Цареву нашему»

Первое упоминание о селении Усть-Мосиха относится к 1777 году. Оно возникло на опушке Кулундинского ленточного бора, близ впадения степной речки Мосихи в Кулунду. История поселения на протяжении 120 лет мало примечательна и похожа на биографию многих крестьянских поселков, затерявшихся на бескрайних просторах юга Западной Сибири. Значительные события здесь стали разворачиваться лишь в конце XIX века

текст **Вадим ТОЛСТОПЯТОВ**

Церковный хор села Усть-Мосиха. 1930.
Фото предоставлено В. Дударенко

ХРАМ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ

В 1897 году в Усть-Мосихе была построена деревянная церковь во имя Иоанна Предтечи. В 1899 году числилось прихожан 829 мужского и 764 женского пола, в том числе 73 раскольника обоего пола. Причт получал жалование от прихожан 800 рублей в год и руги 475 пудов, готовое помещение и доходы от треб. В штате церкви числились священник и псаломщик.

С 1895 года в Усть-Мосихе действовала школа грамоты. Занятия вел учитель С. Слонов с месячным жалованием 12 рублей. С 1901-го действовало попечительство. 10 октября 1900 года, по определению Консистории, утвержденному Его Преосвященством, при церкви Усть-Мосихи открыто штатное дьяконское место, вследствие причисления в приход деревни Макаровой.

15 июля диакон, состоящий на должности псаломщика в селе Ребрихинском, Василий Студеникин перемещен на штатное дьяконское место в село Усть-Мосиха, с возложением на него и учительских обязанностей.

К 1910 году число прихожан выросло до 4250, в том числе раскольников 253. С 1900 года действовала церковно-приходская школа, где обучались 46 мальчиков и девочек. Церковная библиотека насчитывала 53 книги.

В 1914-м в приходе храма числилось уже 4932 души, из них 232 раскольника. Жалование причту выросло до 1200 рублей, доходы от треб достигали 312 рублей в год.

ОСКОЛКИ СТАРОЙ ВЕРЫ

Конец XIX — начало XX столетия — время жарких баталий между православными миссионерами и старообрядческими начетчиками. Шарчино, Корчино, Куликово, Усть-Мосиха являлись центрами Кулундинского раскола. Вот что об этом писала епархиальная пресса: «Сотрудник братства Антон Тельминов, проживающий в с. Ребрихинском, в продолжении января и февраля произвел 19 миссионерских собеседований, из коих 17 с раскольниками разных согласий и 2 с молоканами. Все беседы за исключением трех были публичными и в большинстве многолюдными. На беседе в Усть-Мосихе 20 января 1898 г. присутствовало 300 человек».

«Один из раскольнических начетчиков Усть-Мосихи Лев Суворов выступает уже на беседах открыто защитником православия против своих же собратьев».

«По приходу села Усть-Мосихи, выделенного из прихода Ребрихинского, раскольников насчитывается около 300 душ обоего пола; из них душ 30 часовенных, а остальные — поморцы. Наставником состоит Тихон Герасимов Агалаков (переселенец из России), при нем состоит начетчиком Михаил Павлов Лазарев. Настроение раскола в общем упорное. Сворачиваний в раскол из православия заметно не было; присоединений из раскола в православие было 64 по убеждению, 2 из-за браков). Сотрудник братства Алексей Фелидов к месту своего нового служения в село Усть-Мосихинское прибыл 14 марта; с 20-го же марта начал производить

проверку раскольников в селе Усть-Мосихе для составления их посемейного списка; при проверке вел частные беседы, но выдающегося при этом ничего не заметил, кроме лишь того, что начетчик Лазарев при беседах пользуется сочинениями Батова и начетчик Перевалов (человек начитанный) хотя и держится на почве старообрядчества, но стоит в своих убеждениях в стороне от всех раскольников».

«...Раскольники стекаются в Буканскую в большом количестве, особенно из тех селений, где начата постройка храмов: Кадниковой, Вороники, Мосихи, Куликовой, Травной, Казанцевой и других».

«В Усть-Мосихе свыше 300 раскольников; здесь пользуется большой известностью начетчик и присяжный апологет Михаил Лазарев, состоящий в знакомстве и переписке с Батовым и Зыковым и снабжаемый ими книгами. Мосихинские раскольники пытались, было, ныне хлопотать об открытии у них молитвенного дома, но попытка эта не имела успеха».

ПЕРВЫЕ ПАСТЫРИ

Первым священником Усть-Мосихи был Дмитрий Михайлович Брусанов. Он родился в 1869 году в Пензе, окончил курс Тобольской духовной семинарии и 20 октября 1891 года его рукоположили в священники. В 1893–1896 годах отец Димитрий проходил наблюдателем по церковно-приходским школам по благочинию № 18. В 1897–1898 годах он занимал должность следователя по округу № 35, т. е. фактически служил в двух благочиниях. В анкете Всероссийской переписи населения 1917 года в графе «Сословие» указано: дворянин.

В 1904 году епископ Томский и Барнаульский Макарий, будучи проездом в селе, посетил дом священника Дмитрия Брусанова, который стал пионером пчеловодства. Священника убеждали, что толка от его затеи не будет. Но пчелам понравились местные луга, они дали хороший взятки, и Макарию удалось отвезти меда с пасеки отца Димитрия. В 1912 году многие крестьяне держали пчел, у владельца показательной пасеки насчитывалось более 50 ульев.

Усть-Мосихинский священник и жена его занимались лечением и имели аптеку, жена его зашивала раны, учительствовала в церковно-приходской школе.

В биографии священника есть один интересный момент. В декабре 1906-го его арестовали по обвинению в принадлежности к Барнаульской социал-демократической организации. Основанием для этого послужили найденные у него при обыске листовочные издания и переписанные революционные песни. Брусанов две недели просидел в тюрьме, был запрещен в священнослужении, вызывался в Томск для личных объяснений с начальством.

В свою защиту Брусанов заявил: «Теперь, когда в России нарождается сознательная жизнь, когда был дан Высочайший Манифест 17 Октября, и сознание каждого человека начинает искать новых начал, я считал своею прямою обязанностью ознакомиться с требованиями разных партий, а, не имея возможности произвести это чрез обмен мнений, живя в глуши, естественно бросился на листы — программы, брошюры и книги. Все это выписывалось и покупалось мною как материал совершенно легальный, вполне доступный каждому...» Священника на суде оправдали и возвратили на прежнее место службы.

Резолюцией епископа Томского и Барнаульского Макария от 20 августа 1909 года за № 4012 священники с. Усть-Мосихинского Димитрий Брусанов

и с. Шелаболихинского Алексей Успенский, согласно их прошений, перемещены один на место другого.

Служение отца Димитрия на новом месте вновь было связано с громким скандалом. В 1913 году он уволил учительницу местной церковно-приходской школы Татьяну Борисовну Вайншток. Поговаривали, что священник испытывал личную неприязнь к учительнице на национальной почве, несмотря на то, что она перешла в православие, а также имел свою кандидатуру на эту должность. Барнаульский литератор и общественный деятель Порфирий Казанский опубликовал на страницах газеты «Жизнь Алтая» (№ 160 за 1913 год) фельетон в стихах «Юдофобское село», в котором были такие строки:

Тут и пришла ему идея,
Что родом-то она еврейка;
И принесли его труды
Ему желанные плоды.

Брусянов написал опровержение. Среди причин, вызвавших увольнение Вайншток, он назвал общественное мнение (крестьяне были недовольны присутствием пусть даже крещеной, но еврейки в церковной школе, тем более та перешла в православие после указа о высылке ее семьи из Томской губернии) и большие пропуски занятий учительницей по болезни. Сын Татьяны Вайншток, Александр, в 1920-х учился в Ребрихинской школе, был активным комсомольцем, принимал участие в коллективизации, воевал на фронте. С 1961-го он заведовал кафедрой промышленного и гражданского строительства в Алтайском политехническом институте.

Дальнейшая судьба Дмитрия Михайловича сложилась трагически. В 1930 годах его сослали в Минусинский район, где он служил священником в селе Луговском. 6 июля 1936-го Брусянова арестовали как участника контрреволюционной группы и приговорили к трем годам лишения свободы. Дата смерти Дмитрия Михайловича неизвестна.

О преемнике Брусянова, Алексее Успенском, нельзя сказать практически ничего. Он служил в Усть-Мосихе всего три года, в «Томских епархиальных ведомостях» нет информации о его перемещении в другой храм, увольнении или смерти. В «Справочной книге по Томской епархии за 1914 г.» он тоже не упоминался.

СЫН ИТАЛЬЯНЦА

Самой интересной личностью в истории церкви останется священник Евгений Иосифович Кальвиери.

Оказалось, что он родился на одном из золотых приисков Кузнецкого округа Томской губернии. Его отец Иосиф Кальвиери был ссыльным. В июне 1877 года Дмитриевское волостное правление разыскивало его для взыскания податной недоимки.

Окончив курс Бийского катехизаторского училища, Евгений Кальвиери состоял учителем церковной школы. 7 октября 1900 года учитель

Шарчинской братской школы Евгений Кальвиери временно назначен и. д. псаломщика в село Шарчино.

«Учитель Шарчинской церковно-приходской школы Кальвиери в свободное от школьных занятий и праздничное время произвел в Шарчино около 10 частных бесед с раскольниками. Все беседы велись в квартире учителя и имели частный характер. Чаще всех к Кальвиери являлся собеседником Григорий Ковков, который ранее был наставником шарчинских раскольников», — сообщали «Томские епархиальные ведомости» в 1899 году.

По ходатайству Епархиального Училищного Совета учителю церковной школы Барнаульского уезда села Шарчинского псаломщику Евгению Кальвиери за продолжительную и усердную церковно-школьную службу в 1903 году было преподано Архипастырское благословение, а в январе 1907-го резолюцией Его Высокопреосвященства преподано Архипастырское благословение с выдачей установленной грамоты.

Как и многие церковнослужители, Евгений Иосифович состоял участником кассы взаимопомощи осиротевшим семьям священно-церковнослужителей Томской епархии.

1 октября 1908 года Евгений Кальвиери был посвящен в стихарь и рукоположен в дьякона. 3 марта 1909-го состоящий на вакансии псаломщика дьякон церкви села Шарчинского, благочиния № 20, Евгений Кальвиери переведен на штатное дьяконское место к церкви села Усть-Мосихинского, того же благочиния.

Одновременно он продолжал вести занятия в школе. В епархиальной прессе писали: «Дьякон Кальвиери, законоучитель и учитель Усть-Мосихинской школы, глубоко предан своему делу и среди остальных дьяконов является усерднейшим. В школе своей он чувствует себя, как дома среди родной семьи, и дети школьники любят его. Занятия ведет твердой и опытной рукой. Школа поставлена в смысле обучения прекрасно».

В 1912-м дьякона Евгения Кальвиери рукоположили в сан священника. И в этом же году его назначили на священническое место к церкви села Усть-Мосиха. 20 июня этого же года жители села избрали священника на должность председателя правления Усть-Мосихинского кредитного товарищества. По сохранившимся в архивах документам можно сделать вывод, что семья Кальвиери жила достаточно скромно. На 1 января 1913 года все его «богатство» состояло из одной лошади, трех коров, двух голов мелкого рогатого скота и прочего имущества на сумму 400 рублей.

Дела в годы председательства Кальвиери в кредитном товариществе шли неплохо. В 1913-м Барнаульское отделение Государственного Банка проводило проверку финансового состояния товарищества. Финансовый инспектор в заключении по результатам обследования написал, что постановка дела вполне удовлетворительная, состав администрации грамотен, счетоводство в должном порядке. Учетно-ссудный комитет банка постановил увеличить краткосрочную ссуду товариществу с 12 тысяч до 20 тысяч рублей. На 01.01.1916 года товарищество насчитывало 878 членов, выдано ссуд на 16557 рублей, вклады составили 22928 рублей.

В 1914 году отец Евгений инициировал строительство нового кирпичного здания для церковно-приходской школы. Ему удалось выхлопотать 900 рублей от барнаульского отделения епархиального училищного совета, но начавшаяся война помешала этим планам.

Сельско-хозяйственный съездъ въ с. Усть-Мосихѣ, Ребрихинской волости Барнаульскаго уѣзда.

Супруга священника Фелицата Васильевна состояла членом Барнаульского Отдела Благотворительного Кружка дам духовного звания. В январе 1915 года от нее поступили следующие пожертвования: 20 рубашек новых, 12 старых, 15 кальсон, 15 полотенец, 7 пар подверток, 7 пар рукавиц, 4 холщевых мешка, 3 платка, 9 пар чулок, 1 скатерть.

В характеристике Усть-Мосихи за 1930 год уполномоченный ОГПУ по Куликовскому району Максимов сообщал, что в 1917 году при Временном правительстве организатором собраний и всех видов пожертвований в поддержку армии был «Колеверий».

Ко дню Святой Пасхи 1917 года священник Иоанно-Предтеченской церкви села Усть-Мосихинского Евгений Кальвиери был награжден набедренником.

В годы Гражданской войны Кальвиери якобы симпатизировал красным. Документальных подтверждений этому нет, лишь отдельные воспоминания современников.

2 августа 1921 года в годовщину восстания в Усть-Мосихе возвращавшиеся с кладбища члены местной коммунистической ячейки и работники сельсовета застали у памятника павшим за власть Советов отца Евгения с группой верующих. Прихожане держали в руках икону Пятирима Тамбовского и церковные хоругви. Священник произнес речь:

— Братья! Я вижу, что вы не забыли свой долг. Вот построили памятник, на котором я вижу крест. Это означает, что погибшие братья были православные христиане. Вот пика и ружье. И святое писание говорит, что с мечом в руках от меча погибнешь. И они так и сделали: исполнили свой долг. Мы им отслужим панихиду («Каменская правда», 1920, № 144).

Георгий Егоров в послесловии к своему роману «Солна ты, земля!» писал, что священник Евгений Осипович Квалерия даже работал председателем райисполкома одного из районов Западной Сибири. Это мало похоже на правду.

13 июня 1930 года на Каменской окружной комиссии слушали вопрос о восстановлении избирательных прав лишенцев. Среди прочих есть и фамилия Кальвиери. Священнику отказали как служителю культа.

В этом же году его осудили по ст. 123 УК РСФСР «Совершение обманных действий с целью возбуждения суеверия в массах населения для извлечения таким путем каких-либо выгод». Проступки такого рода карались исправительно-трудовыми работами на срок до одного года с конфискацией части имущества или штрафом до пятисот рублей.

23 марта 1933 года Евгения Иосифовича арестовали, его обвинили в антисоветской агитации: «говорил, что в колхозе сейчас барщина, и колхозников будут бить плетью», «в данное время родился антихрист и скоро будет конец света». Перед началом какого-либо общего или квартального собрания Кальвиери распоряжался звонить в колокола, и народ шел в храм на службу, собрания тем самым срывались.

На момент ареста священник проживал в Усть-Мосихе с супругой Фелицатой Васильевной и дочерью Ираидой шести лет. Сын Николай в это время трудился бетонщиком на станции Яшкино в Кузбассе. Сын Герман жил в Хабаровске, работал грузчиком потребсоюза. Дочь Тамара жила в Камне, нигде не работала. Если до революции священник держал лошадь и корову, то в 1933 году его подворье было пусто. Интересно, что на вопрос о национальности отец Евгений ответил: «Сын итальянца» (ГААК Ф. Р-2000 Оп. 7. Ед. хр. 18159. Л. 8).

Обвинения в свой адрес священник отрицал. Говорил, что воздерживался давать советы прихожанам по поводу вступления в колхоз. Верующие помогли

ему выплатить непосильные налоги (1414 рублей), которыми власть облагала «нетрудовой элемент». Отец Евгений сомневался в выполнении заявленных партий и правительством целей первой пятилетки.

Особая тройка при ПП ОГПУ по Запсибкраю 27 апреля приговорила его к 5 годам высылки в Восточно-Сибирский край. Осудили священника по ст. 58–10 УК РСФСР.

После окончания срока Кальвиери не вернулся в Усть-Мосиху, умер он в 1948 году. Его супруга ушла из жизни в 1971 году.

Сталин говорил: «Сын за отца не отвечает», однако в книге жертв политических репрессий Читинской области я нашел Кальвиери Германа Евгеньевича, уроженца села Усть-Мосиха, работавшего бухгалтером на станции Зилово Читинской области. 11 февраля 1938 года 25-летнего сына священника расстреляли.

Старший сын отца Евгения — Николай — не попал под маховик репрессий. Участвовал в Великой Отечественной войне и умер в Красноярске в 2003 году. Правнучка священника Екатерина Кальвиери предоставила автору этих строк прекрасную копию фотографии семьи отца Евгения, выполненную в 1914 году. Уроженец Усть-Мосихи Валерий Дударенко поделился еще одной фотографией. На ней запечатлен церковный хор, на обратной стороне снимка имеется надпись: «Пойте Богу нашему, пойте Царю нашему, пойте! Басу, Иакову Васильевичу Шкарпетко. 27 ноября 1930 года. Церковный староста Цымбалист М.А. Священник Евгений Кальвиери».

Давно ушли в лучший мир люди, знавшие отца Евгения. Но каким-то чудом до нас дошли крупницы воспоминаний о нем. Интересно, что они несут в себе диаметрально противоположную оценку личности священника.

Из воспоминаний усть-мосихинца Ивана Яковлевича Серых:

«Священником был отец Евгений, здоровый, рыжий батюшка, был уважаемым человеком. Любил рыбачить, часто выезжал на Мамонтовские озера. В праздник Крещения на озере в селе Усть-Мосиха во льду вырубали прорубь крестом, и священник со своей свитой шествовал святить воду, в руке неся крест, а руки без варежек, а мороз-трескун и мы давались диву, как у него не мерзнут руки, когда у нас отмерзают добела щеки и нос. Нам интересно было бывать на озере, туда многие приходили с ружьями и стреляли. Поп крестом водил в проруби, а некоторые прихожане в это время пускали голубей.

Отец Евгений был прогрессивных взглядов. Когда Аркадий Данилов организовал партизанский полк «Красные орлы», а колчаковцы оказались в селе Усть-Мосиха, небольшая группа партизан обратилась к попу с просьбой их укрыть, и он разрешил им разместиться в алтаре. Когда колчаковцы зашли в церковь, то он сказал: «Смотрите, у меня в церкви нет никого», а в алтаре

О. Евгений Кальвиери с супругой Фелицатой Васильевной и сыновьями Николаем и Германом. 1914.

Из личного архива Е. Кальвиери

войти не разрешил. И это его спасло от репрессий, а партизан от расправы».

Вот что рассказывает Валерий Дударенко:

«Муж моей тети, Шкарпетко Яков Васильевич, пел в церковном хоре с Евгением Кальвиери. В семье и моя мама, и та самая тетька, жена Шкарпетко, поговаривали, что он в селе, по тем нравам начала XX века, не пользовался большим авторитетом у своих прихожан: был любителем "зеленого змия", не был прочь поволочиться за своими прихожанками. За глаза отца Евгения звали "Евгешей". И однажды, когда стало дело за наречением младенца именем Евгения, моя тетушка наотрез отказала, связывая это с именем священника. Хотя сама была искренне верующей.

Моя мама рассказывала мне, что, будучи еще небольшой, исподволь слышала, когда за бутылкой "горилки", отец Евгений с ее старшим (на 9 лет) братом по зимним вечерам о чем-то яростно спорили,

а ей запомнилось только то, что все споры сводились, в конце концов, к тому, существует ли на самом деле Бог. Маме от того, видимо, что этот факт подвергался сомнению, становилось жутко, казалось, что вот-вот грянет какое-то наказание».

«НЕ ОСТАНЕТСЯ КАМНЯ НА КАМНЕ»

В Интернете я нашел сведения еще об одном священнике, проживавшем в Усть-Мосихе. Пилинкевич Леонид Антонович родился в 1879 году в Гродненской губернии. В 1906 году окончил Жировичское духовное училище. В середине 1915-го бежал из прифронтовой полосы в Россию. В 1920 годы служил в церкви во имя Святителя Архистратига Божия Михаила Томской епархии в селе Федосиха Коченёвского района Новосибирского округа. 16 декабря 1928 года священника и его жену Анну лишили избирательных прав. Арестован 1 марта 1930 года по обвинению в антисоветской агитации, ст. 58–10 ч. 2 УК РСФСР. Осужден: 30 марта 1930 года тройкой ПП ОГПУ Сибкрая к высылке в Туруханский край.

Во второй половине 1930-х он проживал в Усть-Мосихе. Пилинкевича арестовали 30 июля 1937 года. В чем же была его вина? В июне 1937-го он прибыл в Благовещенку и произвел богослужение на кладбище. Там собрались все женщины поселка, прекратилась уборка сена в колхозе. Однако эта информация была обнаружена мной в деле другого «врага народа». В уголовном деле священника этот инцидент не упомянут.

Пилинкевича обвинили в участии в контрреволюционной повстанческой организации, антисоветской агитации и пропаганде.

31 октября тройка УНКВД по Алтайскому краю приговорила отца Леонида к высшей мере наказания. 10 ноября приговор привели в исполнение.

По решению Исполкома Алтайского краевого совета депутатов трудящихся от 02.07.1940 г. храм в селе Усть-Мосиха закрыли, а помещение передали сельскому совету на культурно-просветительские цели.

О трагических страницах истории Усть-Мосихинской церкви нам поведал Николай Михайлович Михеев.

«О комсомольцах с хорошей стороны ничего сказать не могу. Когда макаровскую церковь закрывали, кресты с нее снимали комсомольцы. Все Макарово собралось, тысячи людей. У секретаря комсомольской организации Глазунова Гришки в кармане наган — если кто сопротивляться будет.

В Усть-Мосихе школу двухэтажную мой дед строил, когда вернулся из Средней Азии. Набрал людей и построил эту школу под ключ. Я там в восьмом классе учился. А школа располагалась от церкви метрах в двадцати.

Урожай 1938 года хороший был. В Мосихе работали восемь колхозов и машинно-тракторная станция. Девать зерно некуда, решили в церковь засыпать (она уже не действовала). Вызвали старосту и взяли у него ключи. Открыли обшитые железом двери и осмотрели здание изнутри.

На другой день, будто кто их оповестил, собралось у церкви 90 с лишним старух. Все, как коромысло, горбатые, у каждой в руках клюка. Были и старики. Сходили за старостой, пригласили его на церковное крыльцо.

— Почему ключ отдал?

— Власть все...

— А!? Власть!? Твоя власть — Бог!

И клюками сшибли, столкнули его с крыльца. Три старухи зашли в церковь и заперлись изнутри.

На другой день приехали секретарь райкома, председатель райисполкома, прокурор, начальник милиции. Два дня они уговаривали старух открыть двери, но не смогли ничего сделать. Потом из Барнаула приехал или секретарь крайкома комсомола, или лектор. Фамилия его Волков. Часа три уговаривал старух. Они открыли двери и разошлись по домам. Дня через три двадцать или тридцать стариков арестовали (старух не тронули), больше их никто не видел.

Стали вывозить книги церковные в МТС, пустили их на прокладки (они же на толстой бумаге были напечатаны). А некоторые иконы на столешницы в колхозы пошли (такие огромные они были). У моего дяди-счетовода из такой иконы был сделан стол».

Здание бывшей церкви в Усть-Мосихе использовалось как клуб, а затем было разобрано в 1960-е. К сожалению, не сохранилось его фотографий в первоначальном виде. Оно лишь частично попало в кадр групповой фотографии участников сельскохозяйственного съезда, проходившего в Усть-Мосихе в 1904 году. О последних днях здания рассказал все тот же Валерий Дударенко: «Я был еще мальцом, когда церковь-клуб, разобрали. Могу только сказать, что происходило в конце 1950-х. Во время строительства нового клуба на стройку было привезено огромное количество свежего леса, по которому с друзьями я лазал, собирал смоловую "серку". Когда строители уходили отдыхать, мы шарились по этой стройке и там стоял настоящий смоляной дух, везде были свежие бревна. Никаких старых я там не помню. Что касается самой церкви, развалена она была бессистемно, бревна, а то и целые стены, валялись как попало, изнутри она вся была обита дранкой и оштукатурена. Дранка была прибита коваными трехгранными гвоздями, несметное количество которых оставалось в каждом бревне. Невиданные гвозди самых разных размеров мы с другом щипцами добывали для домашних дел. Как можно потом использовать такой "стройматериал" я представить не могу: никакой строитель не решился бы угробить свой инструмент — пилы, топоры и т.д. Церковь стояла на толстых, обожженных сосновых столбах, выступающих над землей не менее, чем на полметра. Помню, как мы измазывались об эти обугленные столбы, между которыми вместе с детдомовскими ребятами забирались через оторванную половицу на сцену, а потом с обратной стороны экрана смотрели "Чапаева" и другие фильмы. Куда делись останки церкви-клуба, где могли их использовать, не могу сказать».

Другой уроженец Усть-Мосихи, Николай Иванович Мельников, вспоминал, что его родителей венчал отец Евгений. Клуб, по его словам, разрушили в 1957 году. Отец Николая Ивановича привез домой огромный камень от фундамента бывшего церковного здания. ■